
КАМЕНЬ У БРОДА
Максим Александрович Вольф

Макс Вольф
Камень у брода

https://litres.ru/75023718
SelfPub; 2026

Аннотация

«Камень у брода»

Автор: [Максим Александрович Вольф]

1950 год, глухая деревня на реке Тяни. Десять лет назад Дмитрий Мальцев вернулся с войны под именем погибшего брата Егора — и десять лет жил чужой жизнью: с невестой брата, ставшей женой, в его доме, под его именем, за которое могла наступить каторга. Он выстроил тихую, праведную жизнь на фундаменте лжи — и почти уверовал, что правда никогда не поднимется со дна.

Но этой весной в деревню приезжают двое. Первый — человек, которого Митрий спас в 1937-м: он привозит бумагу, способную вернуть Дмитрию его настоящее имя. Второй — сам Егор: живой, без памяти, не помнящий ни матери, ни невесты, ни брода, — и деревня узнаёт в нём того, кого хоронила восемь лет назад.

Содержание

Предисловие автора. 4
Глава 1. Каменный брод. 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Макс Вольф
Камень у брода

Предисловие автора.

Когда я задумывал «Камень у брода», мне хотелось написать не просто историю о войне и её отголосках — мне хотелось услышать тишину, которая остаётся после крика. Ту самую тишину, когда человек уже всё сказал, но слова всё ещё звенят в воздухе, как последний удар молота по наковальне.

Идея пришла ко мне в одну из тех ночей, когда сон не идёт, а память, наоборот, просыпается и начинает перебирать старые фотографии, письма, обрывки разговоров. Я сидел у окна, смотрел, как лунный свет ложится на подоконник, и вдруг отчётливо увидел этот камень — тёмный, тяжёлый, будто вросший в землю и в реку одновременно. Он не был декорацией, не был символом из учебника литературы. Он был свидетелем. И мне захотелось дать ему голос — не громкий, не торжественный, а тихий, как гул воды под наледью.

Я долго искал форму. Хотел, чтобы роман дышал тем временем — чтобы в нём чувствовался запах полыни, мокрой соломы, железа из кузницы, чтобы слышался скрип сапог по промерзшей дороге и шёпот женщин у костра. Поэтому я

сознательно избегал излишней стилизации под «народный эпос» и старался держаться в русле сдержанного, почти документального повествования: пусть детали говорят сами за себя. Запах полыни, ссадина на виске, шапка, зацепившаяся за кочку, — эти мелочи для меня важнее любых громких метафор.

Прототипов у героев нет — и в то же время они все откуда-то из жизни. Из рассказов бабушки о том, как деревня жила в войну и после неё. Из старых писем с фронта, где люди писали не о подвигах, а о том, что хлеб стал дороже, а кошка всё равно мурлычет. Из тишины, которая повисала в комнате, когда кто-то начинал вспоминать.

Митрий для меня — не злодей и не герой. Он человек, который однажды сделал выбор, казавшийся ему единственно возможным, и потом всю жизнь пытался с этим выбором ужиться. Мне было важно показать не столько само преступление, сколько его медленное, изматывающее эхо: как ложь прорастает в быт, в привычки, в жесты, как она становится второй кожей, которую страшно снять.

Река и камень в романе — это не просто фон. Для меня это своего рода нравственный компас. Они не судят, не карают, они просто помнят. И именно эта память в конце концов оказывается сильнее любой попытки спрятаться, забыть, переиграть судьбу.

Писал я этот роман долго, с перерывами, иногда откладывая на месяцы, потому что некоторые сцены давались тяже-

ло. Особенно те, где тишина становится невыносимой. Но я не хотел сглаживать углы. Мне казалось важным сохранить эту тяжесть — ту самую, которая ложится на плечи, когда понимаешь, что правда может стоить слишком дорого, но жить без неё ещё дороже.

Надеюсь, читатель не будет искать в этой книге однозначных ответов. Здесь их нет. Зато есть вопросы, которые, возможно, отзовутся в ком-то так же, как когда-то отозвались во мне: о цене имени, о силе памяти, о том, можно ли построить дом на фундаменте лжи — и стоит ли пытаться его спасти, когда фундамент уже дал трещину.

Этот роман — моя попытка прислушаться к тишине и услышать в ней голоса тех, кто когда-то стоял у брода, смотрел на тёмную воду и пытался понять, куда течёт не только река, но и их собственная жизнь.

С уважением, М. А. Вольф.

Глава 1. Каменный брод.

1937 год

Каменный Брод просыпался не с петухами — с дымом. Он полз из труб, смешивался с туманом над рекой и стелился по склонам, будто сам был частью деревни. Деревня стояла на изгибе реки Тяни — широкой, неторопливой, но упрямой: она не хотела течь прямо, она хотела петлять, цепляться за камни, поднимать пену на перекатах. Оттого и Брод получился не просто местом, где переходят воду, а главным узлом всей жизни: через него шли на покос, через него везли сено, через него бегали дети, чтобы не намочить ног.

А посреди реки, у самого брода, лежал камень. Большой, тёмный, вросший в дно так, будто его туда положили ещё до всяких деревень. Вода огибала его двумя холодными крыльями, и в тихие вечера, если приложить ухо к прибрежному камню поменьше, слышалось, как под водой что-то гудит — низко, протяжно, как поют зимние вёдра в горнице.

Старуха Агаша говорила: камень помнит всё. Каждый шаг, что через него перешагнули, каждый шёпот, что над ним произнесли. Река Тяни — это её книга, а камень — её закладка.

— Река не врёт, — говорила она. — Людям сподручно врать, а реке — незачем.

У Мальцевых было два сына. Старший, Егор, — широко-

плечий, с гармонью, которую он таскал даже на покос, с глазами, от которых в деревне бабы вздыхали. Младший, Митрий, — на три года моложе, молчаливый, угрюмый; он ещё в отрочестве пристал к кузнецу Игнату и держал клещи так, будто железо — родня. Братья были разные, как день и вечер, но стояли друг за друга горой: где Егор — там и Митрий, как тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.